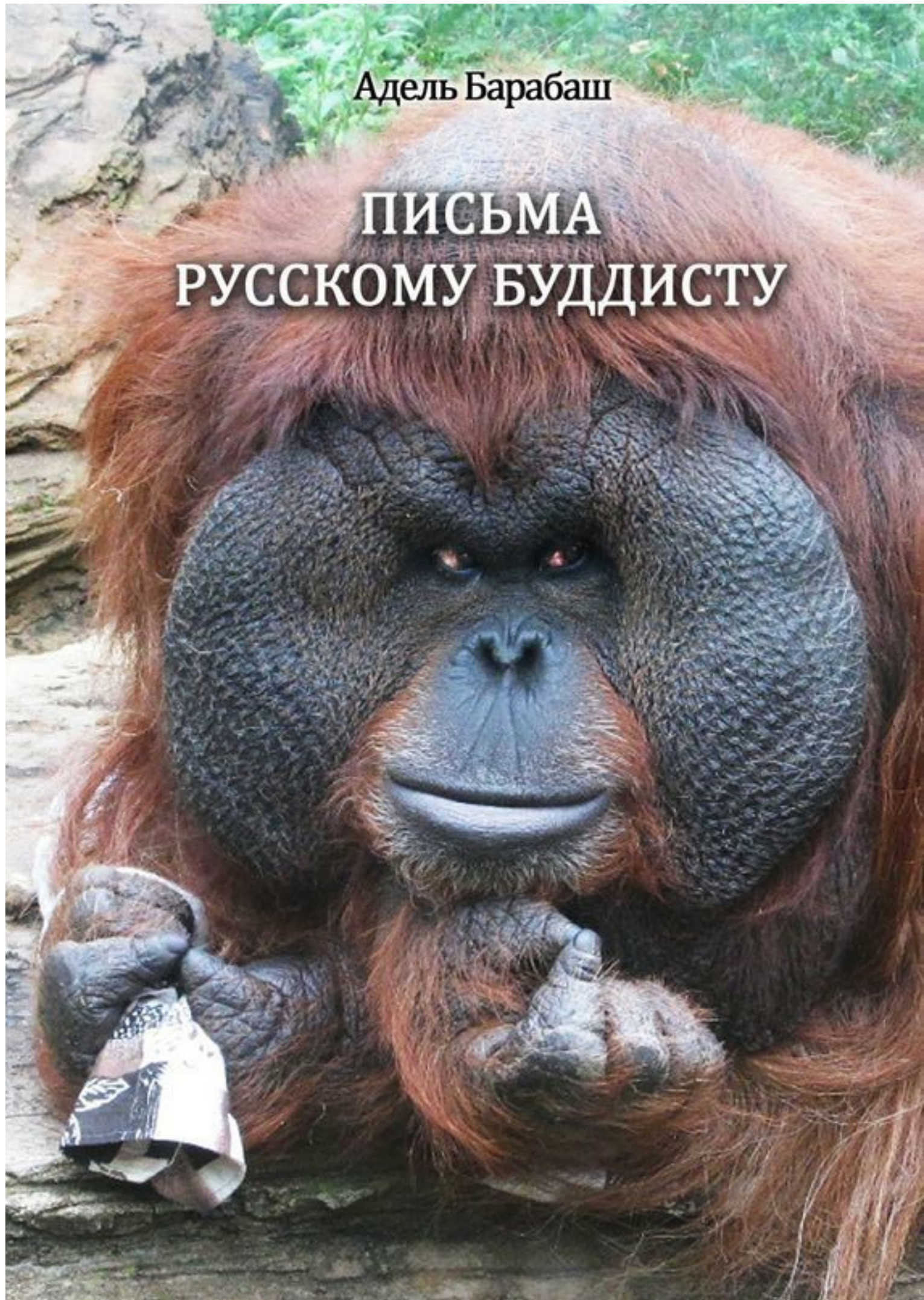

Адель Барабаш

ПИСЬМА
РУССКОМУ БУДДИСТУ

Адель Барабаш
Письма русскому буддисту

«Издательские решения»

2015

Барабаш А.

Письма русскому буддисту / А. Барабаш — «Издательские решения», 2015

Поиск крутой, безжалостной правды – ответ хитроумной дьяволиаде, настоящей на человеколюбии... «Экклезиаст молча внимает, осознавая, что кто-то должен ответить за те несчастья, которые обрушились на головы мальчиков Державы». Кто ответит? Тот, кого назначит История. Очень важно, что эта стоическая философия не должна быть привязана к какому-то определённом народу, если Будда, Христос, Магомет, Экклезиаст и другие поэты, говорящие с людьми от лица Бога, пишут одну книгу. Лев Аннинский

© Барабаш А., 2015

© Издательские решения, 2015

Содержание

О книге	6
Лев Аннинский	6
Ольга Мейер	8
Дмитрий Барабаш	9
Эссе	10
Самоопределение жанра	10
Море Монголии	12
Фетровое небо	13
Письма русскому буддисту	15
Письмо первое	15
Письмо второе	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Письма русскому буддисту

Адель Барабаш

© Адель Барабаш, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

О книге

Лев Аннинский

В начале своего сочинения Адель Барабаш объясняет значение и значимость жанра «эссе». Этот обычный приём для сочинений такого рода в данном случае имеет содержательный смысл.

«Канонизация жанра необходима там, где мысль может раствориться в хаосе, потерять самое себя».

«Термины существуют на плоскости, а знание – это объём».

Объём укоренён в объективной реальности, а все иллюзии коренятся в психологии человека. Всё великое, осмысленное человеком вопреки иллюзиям, связывает НЕЧТО.

«Все великие поэты пишут одну книгу, книгу об одном и вселенная у них одна».

«Чувственный опыт, присущ детям и животным – они могут дотронуться, понюхать, но Бог не то существо, которое можно почувствовать – постичь Его можно только Им самим – мыслью».

Этот поиск нелёгок и не сладок – сладко безумие.

Эта крутая установка порождает оригинальное переосмысление традиционной пары: Бог-Дьявол.

«Зачем стремиться в ад или бояться рая, когда мы носим их в самих себе? Мысль гораздо страшнее безумия, бог гораздо суровее дьявола. Дьявол – это образ всех человеческих пороков и он прощает нам наши маленькие подлости, слабости и говорит – поспите еще немного, ну что с того, что вы еще поспите, ну предадите пару раз еще, ну что с того, а вот потом, вы всё исправите, всё успеете, преодолеете, преодолете...»

Поиск крутой, безжалостной правды – ответ хитроумной дьяволиаде, настоящей на человеколюбии, от которого тоже ведь невозможно отказаться.

Откуда у Адели Барабаш такая непримиримость?

От судьбы, доставшейся нынешним искателям истины.

Этот поиск увязан у неё с судьбой поколения, которое не застало *«ни Ленина, ни Сталина, ни перестроек, ни оттепелей, ни советской власти... пустота...»*

Не поддаваясь этой пустоте, новое поколение хочет понять:

«как жить людям, которым не досталась в наследство ни безжалостная Советская власть, ни её руины, ни сверкающий в будущем Коммунизм, ни его химерическая тень, не всемирный смысл происходящего, а пустота на месте смысла... Ему не пришлось рвать душу, меняя власть, как рвали прошлое из сердца последние идеалисты – „шестидесятники“ (не говоря уже об окопниках 1941 года)...»

И ещё круче:

«Никакая игра ума не может вытеснить страх пустоты, в которую летит всё. И за время зацепиться не удастся, потому, что нет ни времени, ни бремени будущего, в котором придется сопротивляться тоталитаризму, революции, социализму. Да что и говорить, если ни в прошлом, ни в будущем нет опоры – одна ледяная пустота, которую надо бы разогнать огневыми залпами русских

«Катюш». Но там, где должны были быть силы на эту безжалостную атаку пустоты – там, где должно было раздаться «Вставай, страна огромная, Вставай на смертный бой!», раздавалось беспомощное поэтическое: «Не будь духом поспешен на гнев»...

Не просто вынести такую безжалостность к людям, к самим себе, к навалившейся на нас эпохе. Но это – реакция наших наследников на те руины, которые мы им завещаем. Хотя руины воистину музыкальны, особенно после залпов «Катюш».

«Суета и Томление духа»! Вслушались в музыку? Грузинский сын матери-армянки окрашивает свою любовь к ней в русские тона!

Окуджава не назван. И понятно: за Экклезиаста он не отвечает. Но и Экклезиаст не отвечает на наши вопросы.

«Экклезиаст молча внимает, осознавая, что кто-то должен ответить за те несчастья, которые обрушились на головы мальчиков Державы».

Кто ответит? Тот, кого назначит История. Очень важно, что эта стоическая философия не должна быть привязана к какому-то определённом народу, если Будда, Христос, Магомет, Экклезиаст и другие поэты, говорящие с людьми от лица Бога, пишут одну книгу.

И эта единая для человечества книга – путь ощущений от Микровселенной к Макровселенной – сообщает поиску глобальный духовный пафос.

Недаром в эссе действуют итальянцы, испанцы, монголы... Но и Марфа Кусаева из села Париж Нагайбакского района Челябинской области.

Список цитируемых авторов обширен, изыскан, логичен, хотя иногда и неожидан. Монтень, Экклезиаст, Гессе, Манделштам, Ахматова, Уайльд, Барабаш (Дмитрий), Гомер, Шекспир, Будда, Михаил Булгаков, Николай Тряпкин... Последний особенно хорош:

Только тьма и свет, только зверий след
Да песок пустынь у могил.
Остальное все – суета сует
То, что ты да я наблудил.

Ольга Мейер

Работа А. Барабаш – это исследование жанра эссе творческими методами, а именно: автор полагает, что, для того чтобы понять, как устроено эссе, нужно его написать. Книга включает в себя 19 эссе.

Авторская позиция заявлена во введении: *«Эссе – это жанр свободы, отсутствие правил и границ»*. И если читатель согласен с автором, то он не возмутится: *«... какой же из Экклезиаста эсер! И причем здесь эссе!»* (как боялся автор). Ассонанс и аллитерация сделали свое дело, и царствовавший в Иерусалиме Соломон, выбравший себе псевдоним Экклезиаст, стал эсером. (Нет, не социалистом-революционером, а просто автором эссе; может, «эссером»?) В «жанре свободы», названном в работе «Экклезиаст и пустота», он занял место пелевинского Чапаева.

Вероятно, современное эссе и должно быть интертекстуальным. У А. Барабаш перекликаются разные голоса: Монтень, Рассел, Фукидид, Константин Симонов, Николай Тряпкин, Юрий Левитанский, Лев Аннинский... Интертекстуальность является в данной работе жанрообразующим фактором. Так, в некоторых эссе (таких, например, как «Фетровое небо») ярко выражен художественный элемент рассказа, в других воскрешается эпистолярная форма («Письма русскому буддисту»), типичная для литературы 18—19 веков, но сейчас такая «переписка из двух углов» встречается редко. Эссе А. Барабаш принимают форму сказки-притчи, или политического памфлета («Убей кота», «Генеральское счастье»), или приобретают литературно-критическую направленность («Тринадцатый апостол»), но при этом, не сливаясь с данными жанрами.

Однако рецензия не так свободна по своей форме, как эссе. Для оценки работы автора, *«кочевого муравья семейства стебельчатобрюхих и пр.»*, желающего *«достигать гармонии слонов»*, может быть только такое заключение: будучи мастерски написанным, а также современным по форме и содержанию сочинением, данная работа заслуживает самой высокой оценки.

Дмитрий Барабаш

Буксующе-пластмассовое время. Виниловый циферблат под рукой ди-джея. Жалобный скрежет вперед-назад. Взгляды наружу пусты, внутрь – темны, как экраны телевизоров. Выключенные мониторы.

Время, в котором отражается только то, что волей случая, не имеет к нему отношения. Отражается, не вызывая участия, интереса.

По матовым зеркалам экранов – образы героев прежних книг, прежних фильмов, других картин.

Эпохи отражаются одна в другой.

Герои путают костюмы.

Экклезиаст, примеряет шинель красногвардейца, фуражку эсера, ватник гулаговского старателя. Русский буддист издали вступает в переписку с русским же адресатом, живущим в России, словно он уже познал вынужденный голод индийского рикши, меряющего мир щепотками риса, отсутствием мяса, вегетарианской изнанкой, просветлением, наступающим через голодный обморок.

Черные зеркала мониторов, виниловый круг милицейской преисподней, цыганского гомона, ленивой материцы, бессмысленных трагедий. И, вдруг, забыв о потерянном, о сегодняшнем, вездесущем, на освещенную арену выпрыгивают по-настоящему живые, смеющиеся, думающие, грустящие клоуны в радужных одеждах, и, словно воздушные шары, тянут за собой цветные облака, метафоры, мечты. Белозубые негры широким шагом меряют экватор сказочного земного шара, человек выпрыгивает из под шляпы, генерал размахивает стрелками часов, словно саблей, и люди, не скатываются с крыш, цепляясь за печные трубы и антенны подтяжками, на которых расцветают живые цветы живого солнца, живой земли.

Дышать этим воздухом, тонуть в радугах, принимая сны, как неизбежное будущее – ослепительное, способное опровергнуть самую беспроблемную ночь.

Эссе

Самоопределение жанра

Мысль всякий раз выбирает себе новый жанр, который потом кто-нибудь, как-нибудь назовет, но ей это безразлично. Осмысление жанра замечательное занятие. Неважно как он будет потом называться, важно, чтобы он был осмысленным, то есть, населен мыслью.

Авторитетный литературный критик, публицист, философ, искусствовед Лев Александрович Аннинский говорит, что *«если вы не знаете, что вы написали, вы написали эссе»*. И так как автору не хотелось бы выступать в роли своего критика и себя классифицировать, он предпочел внять совету мэтра и отнести всё написанное здесь, к непривередливому, терпеливому и всеядному жанру эссе.

Однако некоторые исследователи определяют эссе как жесткий жанр. Здесь, конечно, можно было бы поспорить, но если мы пойдем этим путем, то и современную поэзию начнем оценивать с точки зрения Василия Кирилловича Тредиаковского, который считал: *«...тот стих всеми числами совершен и лучшие, который состоит токмо из хореев или из большей части оных; а тот весьма худ, который весь иамбы составляют»*. Также неблагоприятно относился он и к мужским рифмам в стихе. Спасибо Михаилу Васильевичу Ломоносову, который указал, что в русской поэзии можно использовать помимо хореев – ямба, дактиль, амфибрахий и анапест, а также ввел в русский стих мужские рифмы.

А иначе писали бы мы подобно Тредиаковскому:

Зде сия, достойный муж, что Ти поздравляет
Вящия и день от дня чести толь желает
(Честь велика ни могла бы коль та быть собою,
Будет, дается как тебе, вящяя Тобою)
Есть Российска Муза, всем и млада и нова,
А по долгу Ти служить с прочими готова.

Канонизация жанра необходима там, где мысль может раствориться в хаосе, потерять самое себя. Надеемся, литературный опыт предшественников позволяет нам не мысль подчинять устаревшим канонам, а использовать стилистические приемы и все возможности речи в угоду ей.

Исследователи, которые настаивают на строгости жанра эссе, ссылаются на работы Мишеля Монтеня, считающегося родоначальником этого жанра. Но сам Монтень писал, что он заклятый враг всяческих обязательств, усидчивости, настойчивости:

«...нет ничего столь противоречащего моему стилю, как пространное повествование; я постоянно сам себя прерываю, потому что у меня не хватает дыхания; я не обладаю способностью что-либо стройно и ясно излагать; я превосхожу, наконец, даже малых детей своим невежеством по части самых обыкновенных, употребляемых в повседневном быту фраз и оборотов».

И слова его не лукавство, доказательством этого служат сочинения Монтеня. Название его книги «Опыты» и явилось затем названием жанра «Эссе». Слово же «эссе» в переводе с французского – это попытка, проба, очерк. В переводе с латинского – взвешивание.

Эссе – это жанр свободы, отсутствие правил и границ. Ведь кто-то может возмутиться – какой же из Экклезиаста эсер! И причем здесь эссе!

А Экклезиасту везде одинаково хорошо. Ему не страшны никакие каноны и ограничения. Ни исторические события, ни время, ничто не в силах теперь остановить его путешествие, полное открытий и приключений...

Море Монголии

Справочная информация о моей родине звучит так – *«Выхода к морю не имеет»*. Кажется, что этим все сказано, кажется, все кончено — нет моря и выхода нет. Скажу вам так: страны, которые имеют выход к морю, о море не думают. Ну зачем им думать о море? А вот монголы морем живут, в их раскосых глазах плещется оно, голубое, соленое, насквозь пробитое солнцем.

Мой народ просыпается и засыпает с одной только мыслью, с одним только образом – море. Монгол мой не владеет этим даром, а ведет себя так, словно купается в нем с утра до вечера и словно счастье его только и заключается в его переливах. Выйдешь утром на улицу, смотришь, идет сосед. Нужно ли мне спрашивать его – куда идешь, Лувсандэнзэнпилжинжигмэд? Понятно – Лувсандэнзэнпилжинжигмэд идет на море. И не думайте, пожалуйста, что я шучу, иногда, монголы, чтобы человек жил долго, дают ему длинное имя, например – Лувсандэнзэнпилжинжигмэд. Это не хаотичный набор букв, нет – попробуйте его прочесть и вы услышите в нем и морской прибой, и древние послания монгольских пророков человечеству, и предостережения, и заговор против зла и всего, что не связано с морем.

Все мы, монголы, в какой-то степени Будды. Самая главная причина тяжб человеческих – это страдание, а знаете ли вы, что мы самый счастливый и нетребовательный народ?! Откуда растет страдание? Из желаний! Нужно ли нам чего-то такого, чего у нас нет? Нет, отвечаю я вам! Даже если у нас чего-то нет, у нас это есть! Сложно понять? Да нет тут никакой тайны – мы счастливы от рождения, просто и бесповоротно счастливы!

Мы рождаемся на прекрасной земле, у которой НЕТ выхода к морю, а это самая большая мотивация быть счастливым, воображая его и днем, во время «метки», и ночью, когда безмятежный сон закрывает твои морские щелки. Вот послушайте – щелки, ущелья, щель, щелочь – семантика однако, из которой следует что мы, монголы, народ щелочной, щелочный – вышли из моря. Братья наши – узкоглазые серые акулы, также эта рыба зовется — щелеглазая акула или синяя иорданская собачья акула (этого объяснить не могу – слишком счастлив, чтобы понять). Но вернемся к морю, итак, что такое «метки», спросите вы, а я поведаю: монголы — народ миролюбивый, и, чтобы избежать конфликтов, мы метим свое стадо особой меткой, отличной от соседей – за счёт этого мы избегаем войн и недоразумений. Хотя была однажды история. Одно монгольское семейство, решило пометить стадо своих овец голубой волной, семейство, жившее по соседству по нестранному стечению мыслей и образов, тоже выбрало этот знак. И что произошло? Стада смешались. Выяснить, какие овцы кому принадлежат было невозможно, и тогда монголы, выпив кумыса (самый распространённый алкогольный напиток в Монголии, иначе называется – «шелковый путь к здоровью») и, запив его архи (монгольская водка – 38—40 градусов), решили породниться и поженить своих детей – прекрасную Солонго и смелого Батбаяра. Эту историю любви не в силах описать ни я, ни мои собратья, одно только могу сказать, она похожа на море.

Ближайшие и нежнейшие монгольские братья – лошади. Это незаменимые спутники нашей жизни, это больше, чем автомобиль для русского человека. Лошадь – это не статус, это душа, жена, это – часть тебя. А еще шелковые гривы монгольских лошадей, похожи на море.

Писать о родине моей можно бесконечно долго, много у нас интересных обычаев, мыслей, задач, притч, но наиболее отражается монгольская душа в прекрасной монгольской поговорке – «верблюду не подозревает, что он горбат, а монгол знает, что он счастлив». И этим сказано все.

Фетровое небо

Что-то скрывал в себе тощий человек в зеленой шляпе. Долговязый, сутулый, словно не вмещающийся в этот круглый мир, был осторожен в движениях, ибо кое-что знал об ответственности и, казалось, взвешивал каждый свой шаг, а уж после шел. Он часами наблюдал за людьми, за муравьиным течением жизни, а затем одним лишь движением серых бровей на бесцветном лице насупливал поля фетровой шляпы.

Однажды, когда помыслы его были особенно чисты, но как с ними жить он еще не знал, он побывал там, где нет тайн, загадок и вообще все ясно как божий день. И он был ясен и даже прозрачен, но что-то скрыл.

Там этого не заметили или же сделали вид, но предупредили: если не вытряхнешь свой тощий тюфяк как положено, то, что останется, прорастет. И именно то, что ты спрячешь, будет самым опасным для тебя. А сами над всеми страхами, недомолвками, загадками смеялись: рисовали в воздухе разноцветные мыльные пузыри, а потом тыкали в них детскими пальцами и заливаясь хохотом, краснея от восторга, восклицали:

– Плям! Вот они ваши тайны, вот они! Плям, плям!

Сначала это показалось длинному оскорбительным, но позже он смеялся вместе с ними, глядя, как лопаются его растолстевшее, надутое отражение в переливающихся шарах.

Он вспоминал, как бабушка Хлоя, длинная, как сосна, зажав между ляжками в кружевных панталонах королевскую болонку, шелкала у нее блох и причитала: «И как это у них выходит, гады кусачие, одна останется – все равно расплод пойдет... самостоятельные какие».

И еще тогда длинный думал, какой же станет суетливая Жулька, если бабушка перешелкает у нее всех блох, неужели успокоится?

Длинный зарабатывал тем, что делал переплеты для редких и ценных книг. Работы было немного, но, получив деньги за переплет старинной библии или рукописного дневника какого-нибудь маркиза, он мог не беспокоиться о запасах кальвадоса и сушеной вишни.

Тогда он любил гулять и растворяться в дожде, становиться длинными косыми каплями и биться в крыши, в площади, в мостовые.

Когда деньги у длинного кончались, он доставал из пузатой перламутровой сахарницы одну купюру (их там было много) неизвестного нам народа и шел к старому еврею, который такие купюры обменивал на пригодные.

Всякий раз, когда длинный шел к старику, он останавливался, доставал купюру из кармана и вертел ее то так, то сяк, гадая, чьи же они – эти разноцветные бумажки, дававшие ему пропитание и свободу?

Размышления его были прерваны тем обстоятельством, что купюра, была уже не в его руке, а в клюве ехидной вороны, глядевшей на него с дуба, цыганскими глазами. Ну держись, подумал, длинный, и, забыв про прежнюю свою осторожность, стал богомолотом карабкаться по корявому стволу, обхватывая его длинными ногами. И когда он был почти у цели, шляпа зацепилась за ветку, и, покачавшись, упала на кошку, дремавшую в ложбинке между корней. Кошка так и ринулась прямо в шляпу, куда глаза ее не глядели и с испугу заскочила в глубокую лужу, а затем громко, и уже не по-кошачьи воя, шляпа понеслась по переулкам, но долговязый не стал проследивать ее дальнейший путь, он устало огляделся и стал спускаться вниз. Ворона то ли от жалости к длинному, то ли от смеха выронила купюру из клюва. Длинный, отряхиваясь, посмотрел на ворону как-то укоризненно, но уже беззлобно и двинулся в лавку к ростовщику.

В тот непривычный для долговязого день, когда он по нелепой случайности, оказался без шляпы, без своего прикрытия, чувствуя себя голым и незащищенным, он сидел в арабском кафе и вспоминал, как смеялись в том чудесном месте, где он однажды бывал, над страхами,

загадками и прочими бессмыслицами, и как он, серьезный человек, лазил на дерево, чтобы отобрать бумажку у вороны. И как внезапно ослепшая кошка пустилась бежать, мелькнув из-под шляпы розовой пяткой, и как еврей-лавочник, испугавшись длинного без шляпы, заподозрив коварный замысел в неожиданной открытости гостя, машинально напялил на голову подвернувшуюся под руку феску с оторванной кисточкой, потому что был убежден, что одному из двух людей, сообщающихся между собой, есть что скрывать, и затем, поняв нелепость своего порыва, стянул ее, закашлялся и пригладил волосы.

Длинный ждал чай. Веселый арапчонок, похожий на лемура, в феске с синей, перетянутой золотой нитью, кисточкой, колдовал над дымящейся пиалой и иногда подмигивал единственному гостю, жуя финики и улыбаясь во весь рот.

Темный чай с лимонным солнцем напомнил длинному детство: бабушку Хлою, деда, с пузатой маленькой трубкой, выпускающего вишневые кольца из-под пышных усов, безупречно белую Жульку, мирно сопящую на бабушкиных коленях...

Арапчонок принес сладости, хрустящие шарики с медовой начинкой, хлопнул длинного по плечу, надул щеки и выпустив воздух сказал: «Плям!», – повесил феску на серый гвоздь и вышел из кафе.

Письма русскому буддисту

Письмо первое

Ты спрашиваешь, почему я не иду на семинар «Получи это».

За все века, за все эпохи, которые видела земля, знающих людей было всего около двухсот человек. Во всякий век на двух-трех знающих людей миллионы глупцов и невежд. Что мне могут показать эти люди того, чего я не могу увидеть сама? Нет избранных знать – каждый сам себя избирает.

Я всегда понимала эту «философию», но она для меня никогда не была связана с именами, народами, методиками и прочими ограничениями: мы говорили одними и теми же словами и понимали друг друга, при этом если я и читала специальную литературу, то очень мало, и на тренингах не бывала. Я говорю о том, что путь самопознания и самосовершенствования не зависит от специфических сообществ, практик и т. д.

Что касается общественного просветления: я не верю в просветленность толпы, я знаю, что глупость ее бесконечна. В книге «Тропа мудрости» Германа Гессе помнишь момент, когда Сиддхартха присоединился к обществу истязающих свою плоть старцев? Так вот если бы он остался с ними, мы бы не узнали ни Будду, ни его слова.

Об учителях. Ни один из знающих после трагичного опыта Христа не экспериментировал с передачей знания людям (в массе), зная бессмысленность:

«Ни о чем не нужно говорить, ничему не следует учить, и прекрасна так и хороша темная звериная душа – ничему не хочет научить, вовсе не умеет говорить и плывет дельфином молодым по седым пучинам мировым» (О. Мандельштам);

и опасность таких экспериментов:

«...Иди один и исцеляй слепых, чтобы узнать в тяжелый час сомненья учеников злорадное глумленье и равнодушие толпы» (А. Ахматова).

Я слышала о том, что следствием тренингов и практик бывают высокие состояния, чувствования и прочее, но также я знаю, что нет ничего выше, чем состояние светлого ума, покоя, чистоты и простоты мысли. И этого состояния можно достичь лишь одним способом – постоянным душевным трудом.

Все религии на земле – плутовство, а проповедники этих религий говорят: мы что-то знаем, а вы в это верьте. Я потому об этом говорю, что курс «Получи это» сомнителен уже его названием. Все знания открыты человеку – и их можно высказать словами, мыслить. А захочется увидеть чудо – нужно посмотреть на солнце, на звезды, на листья – к деятельности человека ничего из этого не имеет отношения, это творение мысли, которой наделен каждый. Кто в таком случае может нас чему-то научить или что-то показать, чего мы не в состоянии познать сами, если ищем, стремимся понять? «...*Насильно вывести из комы не сможет не один колдун, должны быть истины искомы...*» (Д. Барабаш).

Тайными знаниями можно пугать или прельщать детей – в ту комнату не ходи, там бабай, если будешь себя хорошо вести, получишь конфетку... или вечную жизнь обретешь. Человек же мыслящий знает, что нет тайных знаний – они все открыты – знай.

«Самые большие загадки таит в себе то, что мы видим, а не то, что скрыто от наших глаз» (О. Уайльд).

Загадочности происходят от иллюзий, а иллюзии рождаются тогда, когда человек говорит – у меня своя вселенная.

Но при этом все великие произведения, созданные разными людьми, в разные эпохи, связывает НЕЧТО одно, не так ли? Все великие поэты пишут одну книгу, книгу об одном – и вселенная у них одна. Живут на земле и другие люди, которые выбирают жизнь – в своих собственных вселенных...

Но и Сиддхартха со старцами провел четыре года...

Письмо второе

Друг мой, ты говоришь о том, что понимание терминов, употребляемых на семинарах очень важно. Разве термины, придуманные людьми, могут иметь к знанию какое-нибудь отношение? Все термины существуют на плоскости, а знание это объем.

Ты правильно подметил, что «тренинг – это времяпрепровождение...», а вот «расширить сознание» возможно только в том случае, если оно есть:

Не нужно расширять свой кругозор,
плетясь в сомненьях, путаясь в тоске —
великих истин мало – их набор
поместиться на шахматной доске,
от короля до пешки – все про то,
и Гамлет и да Винчи и Гораций —
как мало чистых истин, но зато
как много черно-белых вариаций.

(Д. Барабаш)

Удивительно, но ни Экклезиаст, ни Гомер, ни Шекспир не знали таких слов, как «тренинг», не знали таких словосочетаний, как «путь Тантры», при этом они утверждали, что вся жизнь – это учение. Знали они также и то, что «*Бог сотворил человека правым, а люди пустились во многие помыслы*», «...*Все вещи в труде*», «...*Что было, то и будет, и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем*».

Что можно назвать развитием человека?

Начав размышлять об этом, посмотрим на ту древность, о которой мы еще можем помнить. Пристально взглядевшись, мы, скорее всего обнаружим, что нет в истории человека никакого прогресса – ни духовного, ни даже технического. Спыхватимся, начнём разбираться, вспоминать...

О религии. Как сейчас существуют попы, призывающие людей верить, а не знать, так и раньше были привилегированные шаманские касты, пугающие тайнами тех людей, которые не состояли в их числе. «Верьте!» – говорили они остальным, стремясь испугать их небесным гневом, сломить и поработить несчастных.

Об искусстве. Осколки поэзии и живопись, руины древних театров и масса других свидетельств отыщется под толщей веков. И это уже было под солнцем.

Да и можно ли считать развитием человека технический прогресс. Легендарный Никола Тесла, первый, кому свидетели приписывают открытие беспроводной передачи энергии в любую точку планеты, лечение больных током высокой частоты, а также изобретение электропечей, люминесцентных ламп, электронного микроскопа и пр., отвечая на вопрос журналиста, откуда он получает свои технические и научные откровения, ответил: «*Из единого информационного поля Земли*»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.